

СМЕРДЯКОВ И СКОПЧЕСТВО

Т. С. Карпачева

Ключевые слова: Смердяков, Достоевский, Братья Карамазовы, скопцы, скопчество, секта.

Keywords: Smerdyakov, Dostoevsky, «The Brothers Karamazov», the skoptsy, the skopchestvo, the sect.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–02

Введение

В статье рассматривается образ Смердякова, героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — внебрачного сына Федора Павловича Карамазова. Устойчивое в литературоведении понимание этого героя как «карикатуры» или «двойника» Ивана Карамазова, на наш взгляд, недостаточно для раскрытия его роли в романе.

Цель работы — рассмотреть признаки, предположительно указывающие на принадлежность Смердякова к секте скопцов, а также выяснить соотношение темы скопчества с криминальным сюжетом отцеубийства.

Выбранный в работе **междисциплинарный метод научного исследования** позволяет опираться на историко-правовые, религиоведческие, а также современные юридические работы для целостного понимания изучаемой проблемы. Феномен скопчества, менталитета скопца и — шире — вообще явления сектантства рассматривался в русской исторической и юридической науке начиная с 60-х гг. XIX в. Вследствие этого для выявления признаков принадлежности Смердякова к секте скопцов необходима опора на труды ученых, непосредственно занимавшихся изучением скопчества.

С детством и юностью Павла Федоровича Смердякова читатель знакомится в главе «Смердяков» первой части романа «Братья Карамазовы» и сразу ужасается тому, как тот «в детстве любил вешать кошек и потом хоронить их с церемонией» (Достоевский. Т. XIV, с. 114). Здесь же рассказывается и о «воспитательных» мерах слуги Григория. Застав раз своего воспитанника за такой «церемонией» с кошками, Григорий его не только «больно наказал розгой», но и подкрепил свое наказание словесно: «Ты разве человек,...ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто...» (Т. XIV. С. 114)¹. И именно этих слов (а не розог) не смог про-

¹ Здесь и далее ссылки на главы и страницы источника даны по изданию: Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.

стить ему Смердяков, «как оказалось впоследствии» (там же). На уроке по священной истории в ответ на вполне логичный вопрос, свидетельствующий о стремлении ребенка к познанию, о его развитых интеллектуальных способностях: «Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый. Откуда же свет-то сиял в первый день» (Т. XIV. С. 114) — Григорий дал ему пощечину, и именно после этого с ним стали случаться эпилептические припадки. Эти следующие один за другим эпизоды неслучайны и объясняют обиду Смердякова, которая питает его на протяжении всего романа, — обиду на весь мир (включая Бога, создавшего этот мир и «божьих тварей» — кошек) за свое сиротство, за то, что братья никогда не признают его братом. Обида вырастает в чувство мести миру и «божьим тварям».

Обзор литературы

На протяжении всей истории изучения романа и понимания в нем роли образа Смердякова исследователи, по сути, «повторяют» реакцию Григория и его слова, продолжая «бить по щекам» Смердякова и отрицать его человеческую природу, то есть «извергать» из рода людей или даже иных Божьих тварей (потому что формулировка «завелся из банной мокроты» как бы отрицает акт божественного творения). Так, В. В. Розанов называет Смердякова порождением «разлагающегося трупа» Федора Павловича Карамазова, «миазм<ом>», «гниющ<ей>шелух<ой> „павшего в землю и умершего зерна”» [Розанов, 1998, с. 54]. Сравнивая Смердякова с Иваном (позже эта «линия» понимания его как «двойника», «темной стороны» Ивана укрепитя и будет преваляризовать в науке (см., напр.: [Степун, 1990, с. 341; Чирков, 1967, с. 234–301; Ермакова, 1973, с. 165–166] и др.), Розанов опять возвращается к образу шелухи: «Смердяков есть только шелуха его (имеется в виду Ивана. — Т. К.), гниющий отбросок» [Розанов, 1998, с. 55]. В. А. Михнюкевич, в свою очередь, наделяет Смердякова «дьявольской», «бесовской» природой [Михнюкевич, 1994, с. 262] вместо человеческой, то есть, по сути, повторяет слова слуги Григория, отрицавшего, пусть и в гневе, принадлежность воспитанника к человеческому роду.

Интересно, что и для советских исследователей, априори симпатизировавших всем «народным» персонажам, а в особенности страдающим от «эксплуататоров», Смердяков, находящийся на положении слуги в доме своего отца, тоже не вызывал ни капли сочувствия. Так, в работе Н. М. Чиркова повторяются сходные уничижительные характеристики в отношении Смердякова, опять же фактически отрицающие его человеческую природу: «Иван осознает свою нарастающую ненависть к *этому существу*» [Чирков, 1967, с. 273] (курсив наш. — Т. К.); «...са-

мая фамилия — Смердяков, фатально напоминающая о его матери Лизавете Смердящей, довершает выразительную характеристику его духовного облика, как какого-то *ублюдка*, *„игры природы“*, *пасынка и выкидыша природы*» [Чирков, 1967, с. 273–274] (курсив наш. — Т. К.). Чирков определяет образ Смердякова как «кривое зеркало» Ивана [Чирков, 1967, с. 273] и в его преступлении выделяет лишь социальные причины: «...в процессе социального распада, вызванного капитализацией России и деградацией дворянства, семья и род приходят к неизбежному биологическому вырождению и самоотрицанию» [Чирков, 1967, с. 239]. Более того, даже само рождение Смердякова автор объясняет с точки зрения социальной, и вольно или невольно в этом объяснении прочитывается некая ирония или доля абсурда: «Своим появлением на свет от „смердящей“ Смердяков обязан в конечном счете социальным причинам. Нужна была та крайняя степень морального „беспорядка“ пореформенного времени, которая привела Федора Павловича к физическому соединению с Лизаветой Смердящей» [Чирков, 1967, с. 239].

М. Я. Ермакова, продолжая линию понимания Смердякова как «двойника» Ивана, обличает его за отсутствие «связи с народом»: «Смердяков, не только не имеющий никакой связи с народом, но и не чувствующий никакой ответственности перед ним, все свои мечты обиженного завистника сосредоточил на осуществлении плана утверждения своего личного, эгоистического „я“» [Ермакова, 1973, с. 166]. В. Я. Кирпотин ставит Смердякова в один ряд с Валковским («Униженные и оскорбленные»), Свидригайловым («Преступление и наказание») и даже с его отцом — Федором Павловичем Карамазовым: «...Они разные, очень разные, но все порождение загнившего и гибнущего мира<...> Смердякову не удалось стать участником пира во время чумы — и он вешается» [Кирпотин, 1983, с. 400].

Результаты дискуссии и их обсуждение

С предложенными подходами трудно согласиться: образ Смердякова вполне самостоятелен, его нельзя рассматривать лишь как «двойника» Ивана. Говоря словами И. А. Гончарова, у Смердякова свой «миллон терзаний». Понимание героя лишь как «отражения» того или иного социального слоя, возведение такой социальной типизации в принцип влечет за собой нивелирование его индивидуальности. В один ряд с героями-сладоэротиками (Валковский, Свидригайлов, Федор Павлович Карамазов) Смердяков, со своим «скопческим лицом» и презрением к женщинам, также явно не вписывается. Едва ли можно согласиться и с тем, что мотивом его самоубийства могла быть невозможность воспользоваться похищенными у Карамазова-старшего деньгами и осуще-

ствить свою мечту, то есть, по словам Кирпотина, «стать участником пира во время чумы». Возможностей скрыться с деньгами у Смердякова было достаточно, но он ждал своего кумира Ивана, чтобы получить от него награду и одобрение («я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным» (Т. XV. С. 59).

Современные исследователи большей частью уже не считают Смердякова «порождением» той или иной формации, «буржуазных отношений» и т.д. Однако понимание его как «двойника», как образ, отражающий либо «снижающий» другой образ, осталось. Так, В. Е. Ветловская идейно сопоставляет Смердякова с Великим инквизитором и называет его некой «сниженной» («лакейской») копией Великого инквизитора [Ветловская, 2007, с. 111–112]. Удивительно, насколько часто «лакейство» Смердякова в исследовательской литературе «вменяется» ему в вину, хотя очевидно, что его социальный статус от его выбора никоим образом не зависит, более того, именно то, что он занимает положение лакея в доме своего отца, и причиняет ему страдания, которые сформировали в нем неизживаемую обиду. Пожалуй, из всех героев Достоевского, занимающих низкое социальное положение, «униженных и оскорбленных» несправедливостью, Смердяков — единственный, кто не удостоился жалости ни читателей, ни даже большинства исследователей Достоевского. Однако социальное положение Смердякова, а также его «двойничество» по отношению к Ивану либо к инквизитору, превалирующие в понимании этого образа, не объясняют его роли в романе. Сюжетная линия Смердякова фактически центральная, потому что именно она приводит к убийству. Более того, в отличие от сюжетных линий других братьев, которые предполагалось продолжить, лишь линия Смердякова оказалась законченной. Поэтому понимание Смердякова как «карикатуры», «двойника» и т.д. явно недостаточно.

Своеобразный взгляд на Смердякова и его роль в романе предлагает Т. А. Касаткина. По мысли исследовательницы, роман «Братья Карамазовы» посвящен спасительной идее братства как пути к спасению всего человечества: «...объединение отъединенных, единственно возможный путь соединения в падшем мире, — это объединение виновных, сознавших свою вину и чужую вину как свою. Если райская гармония — это соединение в любви и невинности, то единственно доступное нам ее восстановление — это соединение в любви и в сознании вины» [Касаткина, 2004, с. 114]. Смердяков, как полагает Касаткина, со своей брезгливостью, стремится «отделиться» от всех, потому, видимо, и не может спастись. Притом интересно, что исследовательница не сомневается в принадлежности Смердякова к скопчеству: «Это „отделение“ его от плоти,

видимо, нашло выражение и в указании на его скопчество» [Касаткина, 2004, с. 115], хотя в тексте содержатся лишь намеки на скопчество Смердякова, подлежащие отдельному рассмотрению и доказательству.

Принципиально иной взгляд на Смердякова и пока единственную в достоянии попытку его понимания и защиты предлагает О.А. Меерсон. Пожалуй, единственная из всех исследователей, Меерсон видит в Смердякове человека и *брата* остальным братьям Карамазовым, и, по ее мысли, главная проблема заключается в том, что «он (Смердяков. — Т. К.) постоянно сознает, что он — четвертый брат, а его братья не признают этого никогда» [Меерсон, 2007, с. 567]. По мысли ученой, все братья (включая Алешу) и шире — все герои в ответе за преступление Смердякова, за то, что отказывались видеть в нем *брата*, а видели лишь лакея, и особенно справедливым это наблюдение кажется в свете слов старца Зосимы «все за всех виноваты». В более «широкий круг» ответственных ученой включает и читателей, поверивших в то, что Смердяков «не человек» и «из банной мокроты завелся», а также в то, что повешение кошек в детстве «предопределило» и убийство Федора Павловича Карамазова впоследствии. Неоднократно Меерсон отмечает, что именно читатель «не замечает» Смердякова, его страданий и забывает о том, что он тоже *брат* братьям Карамазовым: «...автор наделяет <Смердякова> болезненно-обостренным личностным сознанием, тем не менее недоступным или заблокированным для сознания как других героев, так и читателя» [Меерсон, 2007, с. 566]; «У нас есть все сведения, черным по белому, о том, что Смердяков четвертый брат, и однако почему-то, в ходе повествования, мы склонны об этом забывать» [Меерсон, 2007, с. 570]. С линией Смердякова ученой соотносит ветхозаветную историю об Иосифе, проданном братьями в рабство, которую старец Зосима рассказывает в качестве примера библейских сюжетов, понятных простолюдинам и крестьянским детям: «Подобно сыновьям Израиля, и сыновья Федора Павловича не признают своего забытого брата братом...» [Меерсон, 2007, с. 591], а также предостерегает и от «соблазна детерминизма», лежащего на поверхности. Читатель «цепляется» за эпизод с кошками, из которого склонен вывести и все остальные злодеяния Смердякова: «Он был очень жесток с кошками, и это он во взрослом возрасте подучил Илюшу подложить иголки Жучке. Мы воспринимаем эту подлость как продолжение и подтверждение его детских замашек» [Меерсон, 2007, с. 598–599] (на этот «соблазн детерминизма», что интересно, «попадает» В.А. Михнюкевич, который как раз и «выводит» эпизод с собакой из эпизодов с кошками [Михнюкевич, 1994, с. 260–261]). «Соблазн детерминизма» вступает в противоречие с идеей уникальности и индивидуальности

человеческой личности, свободы воли, которой каждый человек наделен от Бога. Меерсон — чуть ли не единственная из всех исследователей, кто обращает внимание на слова Григория о «нечеловеческой природе» Смердякова, приведенные в начале статьи, — «жестокий ответ взрослого жестокости ребенка» [Меерсон, 2007, с. 598]. Эти слова, по мысли автора, «не просто оскорбление в ответ на бесчеловечность. Они не признают за Смердяковым права называться человеком. <...> Его слова заколачивают личность и личностность Смердякова досками. От этого — особая ненависть Смердякова к Григорию, которую мы принимаем за неблагодарность» [Меерсон, 2007, с. 598]. Работа Меерсон, безусловно, значима для понимания не только образа Смердякова, но и всего романа в целом. Пожалуй, лишь в ней содержится попытка понять мотивы поведения «четвертого брата» и жалость по отношению к нему: «Подобно всем детям, обойденным вниманием и обиженным в семье, Смердяков постоянно совершает отчаянные акты самовыражения в надежде быть наконец замеченным как личность» [Меерсон, 2007, с. 599].

Доказательству принадлежности Смердякова к скопческой секте посвящена работа Г.Л. Боград [Боград, 2007, с. 508–522]. Исследовательница подчеркивает, что Смердяков не «карикатура», не «двойник» Ивана, а «играет в романе вполне самостоятельную роль» [Боград, 2007, с. 508]. На наш взгляд, ее выводы, весьма обоснованные и убедительные, требуют все же дальнейшего осмысления и расширения. В качестве основных доводов в пользу того, что Смердяков — скопец и обратился в скопчество, находясь в Москве на обучении поварскому искусству, Боград приводит следующие аргументы из текста, с которыми, пожалуй, следует согласиться:

- возможное влияние на Смердякова слуги Григория, увлекшегося было одно время хлыстовщиной (Т. XIV. С. 89);
- намек на некую «тайну», окружавшую его личность («Очень бы надо примолвить кое-что и о нем специально (курсив наш. — Т. К.), но мне совестно столь долго отвлекать внимание моего читателя на столь обыкновенных лакеев...») (Т. XIV. С. 93) и дальнейшее разъяснение того, что «тайну» свою Смердяков привез из Москвы;
- портрет Смердякова: «скопческое, сухое» лицо и даже прямое указание на соответствующее сходство: «стал походить на скопца» (Т. XIV. С. 115);
- нелюбовь к женщинам (хотя, правда, наравне с женщинами Смердяков питает презрение и к мужчинам: «женский пол он, кажется, так же презирал, как и мужской») (Т. XIV. С. 116) и досада («блед-

нел от досады» на Федора Павловича, когда тот заводил разговоры о женитьбе) (там же);

- эпилепсия, которая в сектантской хлыстовско-скопческой среде рассматривалась как «священная» болезнь².

Из иных доказательств принадлежности Смердякова к скопчеству Боград выделяет эпизод, когда он усмехнулся мученическому подвигу солдата, сохранившего верность Христу, а также еще песню про «царскую корону» («Царская корона — Была бы моя милая здорова»). Реакция Смердякова на рассказ про Фому Данилова (солдата, явившегося реальным прототипом того, подвиг которого обсуждался в доме Федора Павловича), по мысли Бограда, иллюстрирует, что «для Смердякова ничего не стоит отказаться и от Христа, и от собственного крещения (ведь он принял другое — „огненное крещение”）」 [Боград, 2007, с. 517]. А песня про «царскую корону», по мысли исследовательницы, является некой аллюзией на самозванство Кондратия Селиванова, называвшего себя Петром III, и иных скопческих «пророков», выдававших себя за лиц царского рода, а также намеком на то, что Смердяков мог мечтать о своем «царском корабле» [Боград, 2007, с. 519]. Более того, этот «корабль» уже начал формироваться и первыми его «адептами» могли стать Марья Кондратьевна с матерью, которые смотрели на Смердякова «как на высшего пред ними человека» (Т. XV. С. 50). Боград замечает, что «покосившийся бревенчатый домик» на окраине города, куда они переселились, где приютили Смердякова и где он впоследствии и повесился, очень похож на те, в которых подальше от посторонних глаз устраивались радения. И, наконец, от внимания исследовательницы не ускользнули ритуальный белый чулок Смердякова, напугавший Ивана («Ты меня испугал... с этим чулком») (Т. XV. С. 60), где были спрятаны деньги, и восклицание несчастного слуги: «Неужто же, неужто вы до сих пор не знали...» (Т. XV. С. 60). Это восклицание, как отмечает Боград, «несет двойной смысл: с одной стороны, ... является продолжением прерванного разговора о виновности Ивана в убийстве, совершенном Смердяковым, с другой, — удивление тому, что Иван не догадывается о принадлежности Смердякова к секте скопцов» [Боград, 2007, с. 520].

Приведенные ученой доказательства, на наш взгляд, представляются актуальными, хотя и не все они абсолютно очевидно доказывают принадлежность к скопческой секте. Так, связь между увлечением Гри-

² Это отражено, например, в известном очерке о скопцах П. И. Мельникова-Печерского «Белые голуби» (Павел Мельников-Печерский. Т. VI. С. 287–288), где автор отмечает, в том числе, и то, что почитаемые среди скопцов лица («пророки» или «кормщики») часто инсценируют юродство. В этом отношении неудивительно, что Смердяков мог симитировать «падучую».

гория хлыстовщиной и скопчеством Смердякова, конечно, может прослеживаться, но вряд ли будет правильным говорить о прямом влиянии, учитывая притом взаимоотношения воспитателя и воспитанника. Влияние Григория, увлекшегося хлыстовщиной (как отмечает рассказчик, «на что по соседству оказался случай») (Т. XIV. С. 89), могло быть лишь невольным и косвенным. Невозможно представить, чтобы замкнутый Григорий «учил» бы Смердякова иной вере, тем более что сам он «не заблагорассудил» переходить в хлыстовщину, чему, как можно предположить, были основательные причины. Скорее всего, Григория должно было остановить: а) запрещенность секты (с его любовью к порядку сложно представить, что он мог бы оказаться замешанным в каком-либо противозаконном деле) и б) «заповедь» хлыстов «разжениться» с женой (хотя при этом плотское сожителство с «сестрой», или так называемой «духовницей», не возбранялось) (см. об этом, напр. [Маргаритов, 1910, с. 29]), а Марфа Игнатьевна играла большую роль в его жизни.

Портретные черты («скопческая испитая физиономия») (Т. XIV. С. 243); «скопческое сухое лицо» (там же, с. 43), а также психологические особенности Смердякова, приоткрывающие, по мысли Боград, тайну его принадлежности к секте, находят подтверждение в исследованиях, непосредственно посвященных «сектантской» теме. Действительно, практически все ученые, занимавшиеся вопросами сект, и, в частности, скопцов, отмечали их скрытность и замкнутость (что очевидно, так как скопцы были связаны общим преступлением) (см., напр. [Буткевич, 1915, с. 181]). Запрет на разглашение принадлежности к секте являлся одной из заповедей скопцов: «дают страшные клятвы никогда никому не открывать ее таинств и скорее тело свое отдать на раздробление, чем постороннему человеку сообщить что-либо из слышанного или виденного в „корабле”» (Павел Мельников-Печерский. Т. VI. С. 274). Эта «связанность» общей тайной, точнее, общим преступлением, и сформировала менталитет, который чуть позже, уже в начале XX в., ученый М. Вебер, выделивший общие характерные признаки сект, назовет «кастовым высокомерием» сектантов [Вебер, 2011, с. 171].

Речь Смердякова, обесценивающего подвиг Фомы Данилова (сказанная, в общем-то, адресно для Ивана, в надежде понравиться ему), вполне объясняется мировоззрением скопцов, для которых любой обман и даже преступление всегда оправданы некоей «высшей» идеей. Фактически идеология скопцов, как и представителей других сект, представляет собой «религиозный вариант» теории Раскольниковца. Так, вовлечение в секту обманом, посещение для «отвода глаз» православных храмов в скопческих «кораблях» не вменялось в грех: важнее было со-

хранить втайне принадлежность к сообществу (см. об этом, напр. [Варадинов, 1863, с. 505; Добротворский, 1869, с. 102; Мельников-Печерский. Т. VI, с. 251]). Неспроста после этой речи, когда Смердяков говорит о том, что такой подвиг совершенно излишен и «не было бы греха и в том, если б отказаться при этой случайности от Христова примерно имени и от собственного крещения своего, чтобы спасти тем самым свою жизнь для добрых дел, коими в течение лет и искупить малодушные» (Достоевский. Т. XIV, с. 117), Федор Павлович называет его иезуитом: «Это он был у иезуитов где-нибудь, Иван. Ах ты, иезуит смердящий, да кто ж тебя научил?» (Т. XIV. С. 119). Показательно, что старик Карамазов здесь почти в точности угадывает «механизм» восприятия Смердяковым подобных идей: кто-то, скорее всего, какой-нибудь скопческий «пророк» в Москве, действительно должен был «научить» его «подстраивать» религиозные взгляды под те или иные обстоятельства (не сам же он это выдумал!), а иезуиты (католический орден, основанный в начале XVI в. Игнатием Лайолой) в свое время «прославились» именно таким умением, благодаря чему само это слово стало нарицательным, обозначающим лицемерие, двуличие ради какой-то цели.

Почитание Марьей Кондратьевной и ее матерью Смердякова как «высшего человека» говорит о том, что обладающий хитростью и смекалкой, умеющий притворяться, инсценировать падучую и хранить тайны Смердяков среди общества скопцов и сочувствующих им мог действительно иметь определенный авторитет. В словах рассказчика «поселился у них *в качестве* жениха Марьи Кондратьевны и проживал пока даром» (Т. XV. С. 50) — прослеживается какая-то недоговоренность, и «в качестве жениха» можно прочесть как «под видом жениха». Неспроста первоначальную любовную сцену между Марьей Кондратьевной (в черновой тетради — Марьей Николаевной) и Смердяковым, историю их взаимоотношений, а точнее, настойчивости Марьи Николаевны, долго звавшей и дозвавшейся наконец Смердякова в гости, Достоевский не включил в текст романа (см. об этом: [Мочульский, 1995, с. 514]), а свидание в главе «Смердяков с гитарой» вместо любовного превратилось в некий социально-политический и культурный диспут, где, как стоит предположить, Смердяков одержал победу, а позже нашел приют у своих «адептов», посчитавших за честь его приютить.

История Смердякова завершается в последнем свидании с Иваном: «белый чулок» окончательно убеждает читателя в его принадлежности к скопчеству. Так, И. М. Добротворский указывает на нитяные чулки как на «радельную» одежду скопцов [Добротворский, 1869, с. 54]. Интересно, что в сцене последнего свидания Ивана со Смердяковым содер-

жится и упоминание о его любви к чаю, «к которому скопцы большие охотники» (см. об этом, напр. [Варадинов, 1863, с. 521]). Марья Кондратьевна описывает его состояние следующим образом: «почти как не в своем уме-с и даже чай велели убрать, пить не захотели» (Т. XV. С. 57).

В доказательствах Г.А. Боград, приводимых в пользу принадлежности Смердякова к скопчеству, есть, впрочем, и положения, вызывающие сомнения. Так, в качестве идентифицирующих Смердякова как скопца признаков исследовательница приводит и совершенно обычные вещи: «чистоплотность (одно из объяснений необходимости оскопления — это стремление к чистоте), предпочтение рыбных блюд мясным, добросовестное отношение к своему делу, видимая честность, работоспособность» [Боград, 2007, с. 517]. Впрочем, чистоплотность скопцов отмечается и в исследовании Т.И. Буткевича: «В жилище скопца всегда соблюдается особая чистота и порядок» [Буткевич, 1915, с. 180]. Говорить об этом признаке как о намеке на принадлежность к скопчеству в принципе возможно, но лишь в ряду других. О «предпочтении» рыбных блюд мясным учена делает вывод на основании того, что «старик Карамазов особо отмечал приготовленные им (Смердяковым. — Т. С.) уху, кулебяку (пирог с рыбой и капустой или кашей), кофе <...> речь не идет о мясных блюдах» [Боград, 2007, с. 509]. Однако сложно представить, чтобы Федор Павлович ориентировался на вкус слуги. Разумеется, как повар, служащий в доме Карамазова, Смердяков готовит те блюда, которые заказывает барин. При этом в тексте содержится косвенное указание на то, что мясные блюда в рационе барина тоже присутствуют, следовательно, Смердяков их готовит. Так, когда после припадка (как впоследствии выяснится, разыгранного) Смердяков лежал «больной», обед готовила Марфа Игнатьевна, которая, в отличие от него, «в поварах не училась», и потому у нее суп «сравнительно с приготовлением Смердякова вышел „словно помои“, а курица оказалась до того пересушенной, что и прожевать ее не было никакой возможности» (Т. XIV. С. 256). Таким образом, если Федору Павловичу было с чем сравнивать, значит, можно предположить, что курицу Смердяков ранее готовил. Мечта Смердякова об открытии в Москве или даже в Европе ресторана вполне соответствует скопческому культу богатства, понимания скопцами богатства как «Божьего благословения» (см. об этом, напр. [Буткевич, 1915, с. 181–182; Даль, 2006, с. 100–101]), однако говорить о Смердякове лишь как о «жадном» и «бесчувственном» (или, как вариант, «завистливом» лакее) невозможно. Прощание с этой мечтой выглядит трагически надрывно, и читатель жалеет Смердякова в последней сцене, непосредственно перед самоубийством, когда он отдает Ивану деньги убитого им Федора Павловича, спрятанные в белом чулке:

«— Но почему же ты мне отдаешь, если из-за них убил? — с большим удивлением посмотрел на него Иван.

— Не надо мне их вовсе-с, — дрожащим голосом проговорил Смердяков, махнув рукой. — Была такая прежняя мысль-с, что с такими деньгами жизнь начну, в Москве али пуще того за границей, такая мечта была-с, а пуще все потому, что „все позволено”. Это вы вправду меня учили-с, ибо много вы мне тогда этого говорили: ибо коли Бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе. Это вы вправду. Так я и рассудил.

— Своим умом дошел? — криво усмехнулся Иван.

— Вашим руководством-с.

— А теперь, стало быть, в Бога уверовал, коли деньги назад отдаешь?

— Нет-с, не уверовал-с, — прошептал Смердяков.

— Так зачем отдаешь?

— Полноте... нечего-с! — махнул опять Смердяков рукой. — Вы вот сами тогда все говорили, что все позволено, а теперь-то почему так встревожены, сами-то-с? Показывать на себя даже хотите идти... <...>

— До завтра! — крикнул Иван и двинулся идти.

— Постойте... покажите мне их еще раз.

Иван вынул кредитки и показал ему. Смердяков поглядел на них секунд десять.

— Ну, ступайте, — проговорил он, махнув рукой. — Иван Федорович! — крикнул он вдруг ему вслед опять.

— Чего тебе? — обернулся Иван уже на ходу.

— Прощайте-с!» (Т. XV. С. 67–68).

В этой сцене Смердяков прощается и со своей мечтой, и со своим миром. И какой бы приземленной ни была эта мечта, и как бы ни был недостойн его кумир, все же прощание выглядит трагически.

По мысли Г. А. Боград, «Достоевский ни в коей мере не оправдывает Смердякова, но, исходя из его природы и накопленных им впечатлений, объясняет его мысли и поступки» [Боград, 2007, с. 520]. Здесь следует все же не согласиться с исследовательницей в том, что у Смердякова какая-то особенная *природа*: природа у него такая же, как у всех, — человеческая, главные же «накопленные впечатления» его основаны на его «отверженности». Братья не считают его братом, и в последнем разговоре с Иваном он не может еще раз не упомянуть об этой боли: «...али уж братца так своего пожалели, что собой пожертвовали, а на меня выдумали, так как все равно меня как за мошку считали всю вашу жизнь, а не за человека» (Т. XV. С. 67) (курсив наш. — Т. К.). Иван, а по мысли Мерсон, и читатель — все забывают, что Смердяков тоже «братец», что он

не должен быть противопоставлен Мите как «мошка». Из круга братьев в конце романа исключает Смердякова даже Алеша, когда говорит мальчиком: «Убил лакей, а брат невинен» (Т. XV. С. 189) (курсив наш. — Т. К.).

Именно поэтому Смердяков ищет *иного* «братства» — в скопческом корабле, которого там, однако, тоже нет. «Братья» и «сестры» в секте связаны общей преступной тайной. Как члены любой преступной группы, скопцы были связаны общими преступлениями (членовредительством, вовлечением в секту путем обмана и страхом покинуть секту). Совершая убийство, Смердяков желает связать себя с Иваном теми же узами. И такой криминальный менталитет героя не могло сформировать лишь его безрадостное детство или «детская травма» вследствие воспитания Григория, а сформировала его именно принадлежность к откровенно асоциальной преступной группе, которую в исследовательской литературе почему-то порой называют «народной верой» или «народной религией». Даже Г.Л. Боград, хоть и отмечает разрушительную силу сектантства для личности и общества, тоже говорит о скопчестве как о «народной религии». В Смердякове исследовательница видит «саморазрушение на фоне карамазовской живучести» [Боград, 2007, с. 521], а в «разложение семьи Карамазовых и общества в целом», по ее мысли, «Смердяков <...> вносит народную стихию, будучи сектантом, раскольником, носителем „народной религии”» [Боград, 2007, с. 521].

Антинародность скопческой идеологии понимает на интуитивном уровне Алеша, хотя и не знает о принадлежности к скопчеству Смердякова. Тем не менее, Алеша совершенно серьезно и безапелляционно утверждает, что у «Смердякова совсем не русская вера» (Т. XIV. С. 120). Это утверждение очень важно, и именно сквозь его призму, на наш взгляд, необходимо понимать дальнейшее «раскрытие» скопческой темы вплоть до ритуального чулка, после которого в принадлежности Смердякова к скопчеству уже сомневаться не приходится. Скопчество не «народная вера», а организованная преступная группа, которая оправдывает как обман, так и преступление, и именно в ней сформировался характер и менталитет Смердякова.

Против понимания сектантства как «народной», «самобытной» культуры возражал еще в начале XX в. Т.И. Буткевич: «Кто же будет отрицать, что штунда и баптизм, как свидетельствуют и самые их названия, порождены немецким протестантизмом, пашковщина насаждена английским лордом Редстоком, адвентизм — американцем Вильямом Миллером. <...> Но в то же время пантеистическое влияние язычествующей в христианстве мысли сказалось и в других видах русского сектантства: хлыстовстве, скопчестве, духоборчестве, иеговизме и др.» [Буткевич, 1915, с. 5].

Автор приходит к выводу о том, что невозможно говорить о «самобытности сектантства, о творчестве русского народного гения», так как «в русском сектантстве все — чужое» [Буткевич, 1915, с. 5].

Нельзя, таким образом, сомневаться в том, что в «Братьях Карамазовых» скопчество также изображено как *антинародная* и *антиобщественная* сила. Принадлежность к секте влечет за собой разрушение как своей жизни, так и чужой. Достоевский показывает, что скопчество оказалось убийственным не только по отношению к потомству, но и к родителям. Образ скопца, убивающего отца, конечно, глубоко символичен: насильственно лишая себя потомства, человек утрачивает и ценность жизни вообще. Бунт против плоти оказывается бунтом против самой жизни.

Однако, с другой стороны, принадлежность к скопческому «кораблю», является все же, скорее, «смягчающим» обстоятельством для Смердякова, чем «отягчающим»: в скопческом «псевдобратстве» Смердяков ищет того братства, которого у него не было в родительском доме, а идея дозволенности обмана, лицемерия, а то и преступления ради «вышей» идеи (цели) явно была внушена ему в скопческом корабле. Идея Ивана о том, что «все позволено», и квазирелигиозная идеология скопчества вполне «уживаются» в миропонимании Смердякова и приводят его к преступлению. Обе теории несут в себе «смертельный» заряд: теория Ивана, отрицая бессмертие, «убивает» душу; идеология скопцов убивает плоть. Соединение этих теорий, очевидно, и приводит несчастного юношу к убийству и самоубийству.

Смердяков — одновременно и преступник, и жертва, как и любой преступник-сектант. И здесь мы можем говорить о криминологическом открытии Достоевского, предвосхитившего современные научные знания в области юриспруденции. Такой феномен преступника-жертвы был открыт юридической наукой лишь в наши дни. Так, на «виктимологический аспект тоталитарного сектантства» обращает внимание В.А. Бурковская, отмечая, что в таких организациях «индивид зачастую одновременно является и жертвой, и преступником» [Бурковская, 2006, с. 114]. На этот же феномен указывает и С.В. Розенко, замечая, что при долгом нахождении в секте «у адепта утрачивается способность думать и действовать независимо и самостоятельно. <...> <и> вырабатывается не просто зависимая от сообщества личность, а личность подконтрольная, которая может быть как потерпевшим, так и преступником одновременно» [Розенко, 2011, с. 183]. Именно такой тип преступника, с одной стороны, героя-идеолога, претендующего на «избранность», а с другой стороны, зависимого и несчастного, и представляет собой «четвертый» брат Смердяков.

Заключение

Итак, рассмотрев признаки принадлежности Смердякова к скопчеству, подтвержденные историко-правовыми и религиоведческими исследованиями феномена сектантства, следует отметить ее высокую вероятность. Движущей силой поступков Смердякова является обида: на слугу Григория, в порыве гнева высказавшего, ни много ни мало, сомнение в его, Смердякова, человеческой природе; на весь мир за свое сиротство и за то, что братья никогда не признают его своим братом. Смердяков ищет иного «братства» в скопческом «корабле», которого там тоже нет. Достоевский приходит к выводу о том, что скопчество оказалось убийственным не только по отношению к потомству, но и к родителям. Принадлежность к такой квазирелигиозной преступной группе влечет за собой разрушение как своей жизни, так и чужой. В гениальной художественной форме Достоевский предвосхищает криминологические открытия современной науки: преступник-сектант, реализуя в своих поступках внушенные ему деструктивные идеи, действуя под чужим влиянием, оказывается и преступником, и жертвой одновременно. Такого рода преступником и является Смердяков, так и не дождавшийся того, что братья назовут его братом.

Библиографический список

Боград Г.А. Сектант ли Смердяков? (к теме: «Достоевский и секты») // «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М., 2007.

Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия : дисс. ... докт. юр. н. М., 2006.

Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Изд. 2. ; испр. и доп. Петроград, 1915.

Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Восьмая, доп. книга. История распоряжений по расколу. СПб., 1863.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2011.

Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007.

Даль В.И. Исследование о скопческой ереси. Ногинск, 2006.

Добротворский И.М. Люди божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Исследование профессора Казанского университета И. Добротворского. Казань, 1869.

Ермакова М.Я. Романы Достоевского и творческие искания в русской литературе XX века. Горький, 1973.

- Касаткина Т.А. Да воскреснет Бог! // Достоевский Ф.М. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. Братья Карамазовы. Ч. I–III. М., 2004.
- Кирпотин В.Я. Мир Достоевского. М., 1983.
- Маргаритов С.Д. История русских мистических и рационалистических сект. Изд. 3 ; испр. и доп. Симферополь, 1910.
- Меерсон О.А. Четвертый брат или козел отпущения ехmachina // «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М., 2007.
- Михнюкевич В.А. Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского. Челябинск, 1994.
- Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.
- Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария // Розанов В.В. Уединенное. М., 1998. С. 9–200.
- Розенко С.В. Криминальное сектанство: проблемы криминализации и наказуемости // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 4 (14).
- Степун Ф.А. Миросозерцание Достоевского // Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М., 1990.
- Чирков Н.М. О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы. М., 1967.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.
- Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собр. соч. в 6 т. М., 1963.

References

- Bograd G. L. *Sektant li Smerdyakov? (k teme: "Dostoevskiji sekty")*. [Is Smerdyakov a sectarian? (to the topic: "Dostoevsky and the sects")]. In: "*Brat'ya Karamazovy*": *sovremennoye sostoyaniye izucheniya*. ["The Brothers Karamazov": the current state of study]. Ed. by T. A. Kasatkina. Moscow, 2007.
- Burkovskaya V. A. *Kriminal'nyj religioznyj ekstremizm: ugovovno-pravovye I kriminologicheskie osnovy protivodejstviya*. [Criminal religious extremism: criminal law and criminological foundations of counteraction]: Thesis of Doct. Law. Diss., Moscow, 2006.
- Butkevich T. I. *Obzor russkikh sekt I ih tolkov*. [Review of Russian sects and their interpretations]. Ed. 2., ispr. and add. Petrograd, 1915.
- Varadinov N. V. *Istoriya Ministerstva vnutrennih del. Istoriya rasporyazhenij po raskolu*. [History of the Ministry of Internal Affairs. The history of the split orders]. St. Petersburg, 1863.
- Weber M. *Protestantskaya etika i duh kapitalizma*. [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow, 2011.

Vetlovskaya V.E. *Roman F.M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"*. [Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"]. St. Petersburg, 2007.

Dahl V.I. *Issledovanie o skopcheskoj eresi*. [A study on the Catholic heresy]. Noginsk, 2006.

Dobrotvorsky I.M. *Lyudi bozhii. Russkaya sekta tak nazyvaemyh duhovnyh hristian*. [People of God. The Russian sect of the so-called spiritual Christians. A study by Professor I. Dobrotvorsky of Kazan University]. Kazan, 1869.

Ermakova M.Ya. *Romany Dostoevskogo I tvorcheskie iskaniya v russkoj literature XX veka*. [Dostoevsky's novels and creative searches in Russian literature of the XX century]. Gorky, 1973.

Kasatkina T.A. *Da voskresnet Bog!* [May God rise again!]. In: *Sobraniye sochineniy. Brat'ya Karamazovy*. [Collected works. The Brothers Karamazov. Voi. 7. Ch. I–III. Moscow, AST, 2004.

Kirpotin V. Ya. *Mir Dostoevskogo*. [Dostoevsky's world]. Moscow, 1983.

Margaritov S.D. *Istoriya russkih misticheskikh I racionalisticheskikh sekt*. [History of Russian mystical and rationalistic sects]. Simferopol, 1910.

Meerson O.A. *Chetvertyj brat ili kozel otpushcheniya ex machina*. [The fourth brother or the scapegoat ex machina]. In: *"Brat'ya Karamazovy": sovremennoye sostoyaniye izucheniya*. ["Brothers Karamazov": the current state of study]. Ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, 2007.

Mikhnyukevich V.A. *Russkij fol'klor v hudozhestvennoj sisteme F.M. Dostoevskogo*. [Russian folklore in the artistic system of F.M. Dostoevsky]. Chelyabinsk, 1994.

Mochulsky K.V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij*. [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moscow, 1995.

Rozanov V.V. *Legenda o Velikom Inkvizitore F.M. Dostoevskogo. Opyt kriticheskogo kommentariya*. [The legend of the Grand Inquisitor F.M. Dostoevsky. The experience of critical commentary]. In: Rozanov V.V. *Uyedinennoye*. [Secluded]. Moscow, 1998.

Rozenko S.V. *Kriminal'noe sektantstvo: problem kriminalizacii I nakazuemosti*. [Criminal sectarianism: problems of criminalization and punishability]. In: *Vestnik Permskogo universiteta*. [Bulletin of Perm University]. 2011. Iss. 4 (14).

Stepun F.A. *Mirosozercanie Dostoevskogo*. [Dostoevsky's worldview]. In: [Dostoevsky's creativity in Russian thought 1881–1931]. Moscow, 1990.

Chirkov N.M. *O stile Dostoevskogo. Problematika. Idei. Obrazy*. [On Dostoevsky's style. Problems. Ideas. Images]. Moscow, 1967.

List of sources

Dostoevsky F.M. *Sobranie sochinenij*. [Collected works]. In 30 vols Leningrad, 1972–1990.

Melnikov P.I. (Andrey Pechersky) *Sobranie sochinenij. In 6 vols*. [Collected works]. Moscow, 1963.